

ХАРАКТЕР У ВАМПИЛОВА БЫЛ ВЗРЫВЧАТЫЙ...

МЫ СТОЛКНУЛИСЬ летним вечером у окошка администратора столичного театра «Современник»:

— Привет, Валентин!

— Здорово! Однако давненько не виделись...

Да, четыре года уткло с той первой, сибирской встречи. На берега Ангары я приехал в командировку, и прежде всего меня интересовали молодые иркутские литераторы. В областной писательской организации, как только объяснил цель своего прихода, сразу посветовали: «Познакомься с Распутиным и Вампиловым».

ХОРОШО, что с одной из книжек Валентина Распутина я уже был знаком раньше, ибо эта книжка поведала мне о своем авторе много больше, чем он сам. На автобиографические излияния Валя весьма скуп, и только за писательской строчкой смутно проступает крестьянский парень из приангарского села Аталанка, который с дедом, признанным медвежатником, с малых лет бродил по тайге, но и охоте так и не пристрастился. Зато по нутру прихлалась жизнь на лесозаготовке, где вместе со всеми делал просенку. В тринадцать лет заработал на сапоги. Книжки затянули в Иркутск, свели с филологами. Учился в университете и одновременно писал в молодежную газету. Потом с удостоверением корреспондента избородил всю Сибирь. Однажды вместо очерка получил рассказ. Потом были другие рассказы, в которых герой Распутина все выше и выше поднимался над набившими оскомину образами стандартных «романтиков», покорителей далей. Его ребята пахли тайгой, и читатель ощущал их мужество и надежность.

По природе он нелюдим, постоянно ищет возможности оставаться наедине со своими мыслями, но возможности такой с каждым днем все меньше и меньше, потому что, помимо прочих обязанностей, Валентин еще и в редколлегии альманаха «Ангара». Значит, нет отбоя от начинающих. Едва успеет проводить сына в школу, пошли звонки и визиты.

ЗАГЛЯДЫВАЛ сюда и Вампилов. Они неспроста тянулись друг к другу: в судьбах многое сходилось. Саша был родом тоже из старинного сибирского села, где тоже роскошная природа, правда, речка такая маленькая, что даже не имеет названия. Известный драматург, член писательского союза, он тоже решительно отрицал всякие Крымы и Кавказы, признавая отлых лишь в своем Кутулике. И его характер определило тоже военное детство, и взрослым пришлось стать рано, и тоже главной, а иногда единственной радостью была книга. А потом — старинный университет, особенная, какая-то приподнятая атмосфера филфака, в которой незримо присутствовало нечто такое, отчего обычные люди вдруг становились немного поэтами. На их курсе писали почти все. Вампилов еще студентом выпустил книжку юмористических рассказов, а потом одна за другой стали появляться пьесы — «Прощание в июне», «Старший сын», «Утиная охота»...

А ведь не так уж много времени прошло с того дня, когда здесь, в Иркутске, Вампилов встретился с настоящим театром. Встретился впервые в своей жизни. И это было не только в спектаклях на сцене многоярусного зала. Это было в драмкружке, который у них вел старый, заслуженный актер. Это было в общении с талантливым человеком,

самобытным драматургом Маяревским. Помню, как Саша образно объяснял мне: «Драматургия — наиболее совершенная форма выражения действительности. Краски плюс слово плюс ожившая скульптура. Старик Лессинг был того же мнения... А с точки зрения требований к автору — это самое беспощадное искусство: все на виду, никого не обманешь».

Его жанром была трагикомедия. Этим жанром, и в совершенстве, владел Гоголь, поэтому Гоголь стал его идолом. Саша признавался: «Разделяю гоголевский взгляд на театр, драматургию, жизнь. Удивительно, что на Западе Гоголь не имеет такого успеха, как Толстой и Достоевский. Запад его еще не понял». Есть нечто гоголевское и в его «Утиной охоте». Вампилов написал жесткую пьесу без положительного героя, но с положительным идеалом. Это драма об отсутствии драмы в человеческой душе, об утерянных глубоких чувствах, это суровый разговор об интеллигенте, который таким быть перестал, ибо интеллигентность — это не декларация интеллигентности на словах, а внутреннее состояние человека.

Характер у Вампилова был взрывчатый, глаза на скалостом лице горели углями — как подметил Распутин, в нем слишком бурно перемешалась кровь русского и бурята. Он и пьесы писал так же, словно сам с собой яростно спорил. И правда, спорил! Как-то бросил мне: «Когда сочиняю, стараюсь не только что-то высказать другим, но и в чем-то разобрататься с самим собой. Если мне все ясно, если сам не взволнован, то и зритель волноваться не будет. В каждой пьесе прежде всего ишу ответы на собственные вопросы».

Тогда, весной семидесятого, ленинградцы еще не видели ни «Старшего сына», ни «Прощания в июне», ни «Прошлым летом в Чулимске»... Всего лишь одна его пьеса, самая первая, очень неудачно была поставлена на иркутской сцене. Вампилова еще не знали ни в столице, ни на берегах Невы. Предполагал ли он тогда, что пройдет совсем немного времени, и Георгий Александрович Товстоногов воскликнет: «Пьеса Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», по моему убеждению, — почти совершенство. Когда над ней работал, мне казалось, что там нельзя убрать даже запятой, я относился к ней так, как, скажем, к пьесе Чехова или Горького. И пусть это не покажется преувеличением»? Предполагал ли? Скорее всего, нет. Просто работал — размахисто, неистово, без оглядки. Он и жил так же. Он и погиб так же — совсем еще молодой, плавая в Байкале, который только-только освободился ото льда. А на столе осталась незаконченная рукопись...

И ВОТ теперь, спустя четыре года, встретившись с его лучшим другом, мы, естественно, говорили только о Саше. И до спектакля и после. И во время спектакля думали о нем тоже, потому что были это «Провинциальные анекдоты».

Л. СИДОРОВСКИЙ